

Виктор АРНАУТОВ

ПО ЮЖНОМУ ВЬЕТНАМУ

(Дневниковые заметки кемеровского туриста)

Вьетнам ныне стомиллионная страна Юго-Восточной Азии, тянущаяся полторы тысячи километров с севера на юг, вдоль западного побережья Южно-Китайского моря, с площадью, равной примерно трём с половиной территориям нашего Кузбасса. Особо благоприятен там климат для туристов в центральной и южной частях страны. За два предыдущих пребывания во Вьетнаме удалось побывать в городах Камрань, Нячанг и Далат, на многих островах. Забегая немного вперёд, отмечу, что довелось проехать автобусом вдоль Вьетнама почти пятьсот километров и понаблюдать его не только из окна салона...

22–23 января 2020 года

Сам полёт ничем особо не отличался от предыдущих: после обязательного инструктажа и набора высоты стюардессы принялись разносить пассажирам напитки, а чуть позднее и завтрак. При этом замечаю, что с каждым полётом завтраки (обеда), а тем более ланчи, становятся всё скуднее. Видно, экономят и на этом. Весь полёт проходил ночью, так что смотреть в иллюминатор, у которого оказалось моё место, было практически бесполезно. Уже через полчаса за окнами была сплошная темень. И лишь позднее внизу стали появляться огни, которых было будто чёрт репу насеял: где густо, а где пусто. Только ближе к окончанию полёта сплошняком – от горизонта до горизонта – всё было расцвечено огнями. Мы пролетали явно над каким-то очень большим городом Китая. И уже на самом подлёте к Камрани небо стало светлеть с востока, а внизу я начал различать водное пространство с огоньками рыбацких лодок. Посадка, как и взлёт, прошла довольно мягко. Салоны самолёта, наполненные пассажирами, одновременно выдохнули напряжённое ожидание, переходящее в искренние и радостные овации в адрес экипажа самолёта!

Только-только зарождался новый день на вьетнамской земле. И на улице пока ещё только +25. Настоящее лето! Это ли не благо, к которому мы, сибиряки-россияне, так стремимся, особенно морозной и длинной зимой!

Попав в здание аэровокзала **Камрани**, мы изрядно подивились новшествам! Некогда тесный и взбудораженный от разномастной толпы пассажиров аэровокзал был неузнаваем: просторные и огромные залы; блестящие мраморные полы, панели стен и колонн, словно зеркала, отражали нас, суетливо-растерянных. Оказывается, из-за растущего пассажиропотока, основными воротами которого в южную часть Вьетнама и являлся Камрань, было решено перестроить старое здание, значительно (раза в 4–5) расширив его. И в том им немало помогли не такие уж и далёкие недруги – китайцы. А они-то работать умеют! И быстро, и, если необходимо, качественно. Сегодняшний аэровокзал Камрани нам чем-то напоминал мегааэропорт тайского Бангкока!

Одновременно с нами, сибиряками-кузбасовцами, прибыл сюда авиаборт из Китая – на празднование Нового года (Тета) по восточному лунному календарю, который в этом году приходится на 25 января. Ещё в канун нашего вылета во Вьетнам в средствах массовой информации стали муссироваться слухи об эпидемии нового вируса гриппа (или пневмонии) – коронавируса, эпицентром которой является Китай. Это несколько напрягало и тревожило даже наших бешабашных туристов, уже привыкших ко всякого рода страшилкам. Здесь же и впрямь служащие аэропорта, в том числе паспортного контроля, в большинстве своём были облачены в марлевые маски. То же самое касалось и прилетевших сюда китайцев.

Встречающие сотрудники туроператора «Анекс Тур» быстренько расфасовали нас по комфортабельным автобусам. Наш оказался под номером 83, с весьма грамотным гидом. «Зовите меня просто Пак», – представился молодой, лет тридцати, мужчина в операторской униформе, восточной внешности, но с хорошим русским языком. Поначалу мне показалось, что это вьетнамец. Когда я поинтересовался, откуда он так прилично знает русский язык, последовал ответ, что, дескать, хорошо учился в школе.

– А где? Здесь или в России? – последовал ещё один уточняющий вопрос.

– В Киргизии...

Ага, стало быть, и после распада СССР наши бывшие соотечественники всё же не брезгают изучением русского языка. Похоже, Пак был метисом, с явными доминантами внешности корейца. У себя в Киргизии он окончил университет со специализацией туристического менеджера и уже лет десять работает за границей с русскоговорящими туристами: в Турции, Таиланде, Вьетнаме.

Загрузив полностью автобус туристами с нашего авиарейса (человек 35), ровно в 7 часов утра мы выехали из аэропорта Камрани в южном направлении, противоположном от уже знакомого нам Нячанга. Вьетнамец-водитель дело своё знал. Трасса была ровной, правосторонней, с разделительной полосой. На улице уже вовсю хозяйничал день, залитый южным солнцем, сменившим на тёмном небе старый лежачий месяц.

Поначалу мы ехали южной окраиной Камрани, в глаза бросались новостройки вперемежку с жилыми домами своеобразной вьетнамской архитектуры. Двадцать, тридцать минут езды, а казалось, что едешь по одному сплошному населённому пункту. По обеим сторонам дороги практически без пустырных интервалов стояли дома. И лишь по их скученности и наличию возле них приусадебных участков можно было догадаться, проезжаем городом или какой деревней. Все строения отличаются своей узостью (3–6 метров) относительно дороги (улицы), но непременно вытянутостью вглубь (до 20 и более метров). Мало того, дома эти, что в городе, что в деревне, обладают ещё и оригинальной архитектурой. Как правило, они двух-четырёхэтажные, но непременно с колоннами, пилястрами, башенками, верандами, мансардами, лоджиями, балкончиками, лепниной, оригинальными крышами. Нередко можно встретить дома, у которых на открытой площадке-лоджии верхнего яруса находится статуя Богоматери, а то и сидящего в позе лотоса Будды. Иногда фигура Будды воплощается в его женской форме – богини милосердия Лин(ь) Анг. Встречаются и некие подобию часовенок с католическим крестом на самом верху.

И ещё. Особенностью архитектуры этого региона Вьетнама (а мне довелось проехать от Нячанга и до Сайгона) является соседство различных стилей – с учётом национальной и религиозной принадлежности владельцев домов. Такие дома, как правило, частная собственность, где

первый этаж и прилегающий к нему участок, если это сельская местность, заняты под малый семейный бизнес, который не облагается налогом. Таким образом, в населённых пунктах вперемежку стоят вьетнамские дома-параллелепипеды, космополитические европейские строения, здания средневековой готики с узкими высокими башенками, а то и вовсе – в классическом китайском стиле: с загнутыми кверху краями плоских крыш фанз, позолоченными и увитыми узорчатой лепниной, вплоть до золотистых драконов.

То же самое касается и ещё одной повсеместной особенности Вьетнама – наличия культурно-религиозных построек. Как и дома, храмы и соборы здесь перемешаны. Поскольку во Вьетнаме отсутствует доминантная религия (как, допустим, в Индии, Китае или Таиланде), то и места отправления религиозно-культурных обрядов здесь весьма разнообразны. На протяжении почти всего пути нам ни разу не попались буддийские пагоды – храмы-монастыри, наподобие храмов Лонг Шон, Чук Лам или Чуа Лин(ь) Анг (какие встречались в Нячанге и Далате). Зато несколько раз на возвышении красовались культовые, из красного кирпича башни чамов (тямов), наподобие Чамских башен По Нагар (в Нячанге), построенных ещё тысячу лет назад, во времена королевства Каутхара. Здесь можно встретить храмы самых различных направлений и ветвей буддизма, но, как ни странно, с преобладанием китайского направления. В целом же в общей массе культовых строений преобладают католические соборы, привнесённые во Вьетнам французскими колонизаторами ещё в начале XIX века.

В современном Вьетнаме, помимо прочих, проживает около 60 национальностей только одних потомков Белого Дракона и Феи и насчитывается порядка 150 религиозных исповеданий, включая язычество, сектантство, иудаизм, христианство всех проявлений, а также многочисленные формы и ветви буддизма. И всё же практически все народности истинных племён вьетов считают своими прародителями Белого Дракона и Фею. Эти-то легендарно-мифические существа и являются неизменными объектами поклонения всех вьетнамцев...

По мере продвижения к месту нашего конечного пункта – пока ещё загадочным Фантхиету и Муйне – всё чаще стали попадаться каменисто-безлесые горы. А вожделенного моря всё ещё не

было видно. Камни были такой причудливой формы, что туристы находили в них нечто похожее на зверей, птиц, фантастических драконов, замки. Дорога, как обычно прямая и с большими (до десятка километров) перегонами, шла понижу, в своеобразных каньонах. По обочинам дороги встречались широколиственные деревья; изурннённые, будто опалённые зноем, хвойные кипарисовики и араукарии; высокоствольные пальмы, бросающиеся видом крупных плодов зелёных кокосов; разнообразные кустарники, среди которых особо выделялись разноцветно-рясные бугенвиллеи.

Временами наш путь пролегал мимо «городов мёртвых» – вьетнамских кладбищ – с разноцветными могильными памятниками, от простеньких могильных плит до вычурных сооружений.

Но что поражало более всего, до возмущения и негодования, так это повсеместная замусоренность. Строительными отходами, бытовым мусором, банками, бутылками, полиэтиленом, гниющими остатками овощей и фруктов... Это ли не первопричина для возникновения и распространения всякого рода инфекций и эпидемий вроде коронавируса?!

Временами встречались пасущиеся стада (уж чем они там питались, на выгоревшей земле?) горбатых тёмно-коричневых коров, табунки лошадей, большие отары белорунных овец. Травяная растительность здесь была хилой, блекло-иссушенной, обезвоженной... Зато радовали глаз квадраты тёмно-зелёных орошаемых полей, засаженных рисом, среди которых хлопьями снега копошились цапли. Иногда попадались дома с приусадебными огороженными водоёмами, в которых кишели тысячи домашних уток и гусей. Были и куры, преимущественно пёстрые. Всё чаще стали виднеться плантации густого двухметрового сочно-жирного сахарного тростника. Его перемежали посадки деревьев манго и молоденьких пальм.

А ещё – квадраты с ровными рядами густых тёмно-зелёных кустов в метр высотой, с подведённым к каждому кусту электрическим освещением и оросительным шлангом. Иногда среди ветвей можно было разглядеть розовеющие плоды размером с очень крупное яблоко. Как пояснил гид Пак, это плантации питахайи (помимо этого, есть ещё названия: питайя, сердце дракона, драгонфрут) – плода, так почитаемого среди самих вьетнамцев. Кстати, питахайя – плоды

кактуса, ветви которого напоминают жирно-колючие и широкие сочные листья алоэ. Питахайи, помимо красно-розового цвета, могут иметь ещё и желтовато-зелёную окраску. А мякоть под несъедобной кожурой бывает пастообразной – белого или тёмно-малинового цвета с множеством мелких, с маковое зёрнышко, семян. Питахайи считаются очень полезными для здоровья.

Этому растению соответствует своя легенда. Якобы во времена драконов люди воевали с ними. Драконы выплёвывали из пасти огонь, который и напоминает по форме и виду питахайю. А ещё, чтобы быть храбрее и сильнее, особо почиталось у тех людей поедание сердца убитого дракона. И вот, когда был убит последний дракон, воины извлекли его сердце и решили закопать в землю. И из него выросли кактусы с плодами в виде сердца дракона.

Кана (Ca Na)

На пути следования повстречался город Фанранг. И уже вскоре с левой стороны вдали стало поблёскивать в лучах солнца море. А справа от трассы высились причудливые горы, сплошь в огромных валунах. Через полчаса езды от Фанранга наш автобус сделал остановку. Место это называется Кана. Его история уходит во времена королевства чампов. А ещё во время войны тут на горе был обустроен американский дот, сохранившийся и поныне как местная достопримечательность.

Небольшая площадка для останавливающихся автобусов с туристами. Кафе-ресторан с просторными залами, вплотную приближающимися к самому морю. Из залов ресторана через переходный мостик с перилами и беседками, состоящим на валунах, можно выйти к морю, волны которого плещутся о ступеньки сходней и валуны. Широкая бухта Винь Хи отликает изумрудными водами, её края уходят далеко на юго-восток и юго-запад. Лёгкий свежий ветерок гонит с моря волны. Между валунами на неширокой прибрежной полосе накатные волны постоянно лижут белый песок. Вдали виднеется холмистый остров Хон Лао, который знаменит своим гротом Тач. Почти на горизонте, словно на рейде, застыли громадины грузовых судов. А напротив, через дорогу-трассу, проходящую у самого подножия, высятся голокаменные горы с валунами причудливой формы. И где-то на высоте, примерно метрах в двухстах от подножия, примостились на площадочках два красивых строения, к которым ведут карабкающиеся ступеньки

узеньких лестниц-тропок. Эти хрупкие очаги живого мира на фоне величия природы смотрятся поистине умирительно.

Чем ещё примечательна Кана, так это десятикилометровым чистейшим пляжем Нинь Чу – с неофициальным названием Спящая Красавица. Говорят, что это прозвище пляж получил из-за пока ещё не очень активного его освоения всепроникающими туристами.

Ветряки и песчаные дюны

Мы катим дальше, в пока ещё загадочный для нас Муйне. Трасса вновь убежала от моря. По обеим сторонам её высятся горы, а на многочисленных невысоких плато взрброс колоссами вырастают ветряки. Именно колоссами! Даже на фоне гор они смотрятся как некие рукотворные монстры. Белоснежны их столбы-опоры. Три лопасти меланхолически вращаются вокруг оси. Подвластны они лишь одному ветру, который каждодневно усиливается во второй половине дня. И таких элементов экологически чистой добычи энергии – несчитаное количество. Ветряки карабкаются даже и на горы, по которым стоят ещё одни великаны, творения рук человеческих – гигантские опоры ЛЭП с провисшими проводами. И остаётся только диву даваться: как, каким образом их удалось установить?!

И ещё нечто новенькое. Всё чаще стали попадаться участки земли с разноцветными песками: то совершенно белоснежными, то бежево-жёлтыми, то красно-коричневыми. И чем дальше, тем чаще и крупнее становились песчаные безлесые плешины. Вот уже и скальные горы переросли в сплошные песчаные дюны. Да какие! Поражало ещё и то, что разноцветные барханы и дюны, не перемешиваясь, соседствовали буквально в десятке метров друг от друга, будто кто-то узаконил их суверенные территории и, как на миражной радуге, раскрасил цветами...

Муйне (Mui Ne)

На месте современного местечка Муйне не в таком далёком прошлом находились поселения королевства чамов, о чём свидетельствуют сохранившиеся и поныне недалеко башни, носящие название Тап Пошану, сооружённые в начале второго тысячелетия в честь индийского бога Шивы. Как мне объяснили русскоговорящие гиды, Муйне переводится как «мыс Не». Ну мыс-то – понятно, а вот что такое «Не», я так и не выяснил. Если посмотреть по карте, и впрямь явно выделяется мыс, омываемый с двух сторон

водами бухт Южно-Китайского моря. Ещё одну трактовку этого названия дал мне гид Валерий: «ветер с моря».

На самом мысу расположена рыбацкая деревушка со знаменитым ныне рынком морепродуктов. И уже от неё и до самого города тянется на протяжении более десятка километров курортная зона Муйне, представляющая собой преимущественно одну улицу-трассу, с расположенными по обеим сторонам отелями, сопутствующими им торговыми точками и кафе-ресторанами.

Здесь практически ежедневно часов с одиннадцати утра и до самой темноты дует с моря усиливающийся ветер и поднимаются волны – что привлекает сюда армию любителей покататься на досках под парусом (виндсёрфинг) и с парашютом (кайтсёрфинг).

Sun & Sands Beach Hotel

Всё побережье, насколько охватывал и различал взгляд, было совершенно песчаным, с накатывающими с моря волнами, перемешивающимися у берега с мутными частицами песка, ракушек и раковин, выполосканными остатками полиэтилена, водорослей и прочего мусора. И ещё: накатные волны постоянно переворачивали и перемещали с места на место множество разноцветных ракушек-створок морских гребешков размером от советского рубля до кофейной чашечки. Эти тарелочки-гребешки мозаично устилали всё побережье, как цементом, покрываясь песком. Тут же было неисчислимое количество выброшенных волнами колотых остатков спирально закрученных тонкостенных пёстро-коричневых раковин рапанов. Раскалившийся песок, высохший после отлива, изрядно припекал подошвы.

И ещё некоторые особенности пляжа: справа и слева от нас, в каких-то пятидесяти – ста метрах, покоились на берегу и колыхались на волнах десятки, если не сотни рыбацких круглых лодок – тхунгчай. Тхунгчай (в переводе – «смоляная плетёная корзина») появились у местных рыбаков во времена французской колонизации.

Дно здесь твёрдо-песчаное, вода весьма солёная, держащая на своей поверхности тело человека. Её температура примерно одинаковая в любое время суток – порядка 25 градусов. В обозримом пространстве моря не видно ни одного острова, как и проходящих мимо грузовых судов и пассажирских лайнеров.

Немало тхунгчай, поставленных на якорь, покачивалось невдалеке от берега. А помори-

132

стее виднелись поплавки-буи ставных рыбацких сетей и ловушек. Разноцветные створки раковин гребешков так и блазнили собирать их, и не одного меня. Метрах в ста от берега моря вдоль подножия сопки шла автострада, а сразу за ней высились песчаные холмы метров до двухсот высотой, покрытые редкими листовными деревьями и кустарником. Местами эти сопки-холмы полностью обнажались, красуясь своими яркими белыми, бежевыми и красными песчаными дюнами. Кое-где виднелись тропки для подъёма вверх, но ни одного человека почему-то на них видно не было.

«У Вани»

Искупавшись в море и даже в бассейне, мы решили выйти на улицу, осмотреться, поменять доллары на донги и что-нибудь прикупить на ужин. За ресепшеном отеля, прямо с торца, был магазин с русским названием «У Вани». Напротив, через дорогу, размещалось подряд ещё несколько торговых точек и кафешек, и тоже с вывесками-рекламами на русском языке, типа «У Тани», «Магазин по оптовым ценам», «Аптека», турагентство «У Димы». Но всё же больше было рекламы и названий либо на английском, либо на китайском языках. Ну и на вьетнамском (французском), разумеется.

«У Вани» (владельцем оказался улыбчивый вьетнамец, хорошо говоривший по-русски) мы поменяли первую сотенную купюру долларов на 2 миллиона 310 тысяч донгов. Магазин «У Вани», как и большинство здесь подобных, универсального назначения. В нём можно купить всё необходимое: от продуктов питания, кондитерских товаров, соков, фруктов, овощей, кофе и чая всевозможных сортов и упаковок, аптечных препаратов и лекарств, винно-водочных и табачных изделий, различных сувениров и до одежды.

Разговорчивый хозяин этого заведения, которого все туристы запанибрата называли Ваней и обращались к нему на «ты», на мой вопрос о знании русского языка охотно ответил, что окончил университет в Ханое, филологический факультет с факультативом по русскому языку и литературе, с правом преподавания в школе этих предметов. После окончания университета он даже побывал в Москве, надеясь найти работу, но что-то там у него не срослось, и он вернулся во Вьетнам. Судьба забросила его в курортный Муйне, и здесь, обзаведясь семьёй, он занялся не совсем обычным для него делом – тор-

говлей. Судя по тому потоку русских, в основном туристов, который двигался между рядами с товаром и находился в магазине, толпясь у кассы, коммерция Вани была весьма успешной и прибыльной.

Отужинали мы в своём номере, когда стугнулись ранние сумерки. В семь часов вечера здесь уже настоящая южная ночь. Улицы и все дома расцветиваются огнями и рекламами, к тому же ещё и приукрашенными по случаю Тета, который официально наступит послезавтра, 25 января. А на чёрном звёздном небе старый тонюсенький месяц полностью улёгся навзничь. Под пиво с ромом очень кстати пришлась нарезка помидоров под майонезом и соевым соусом, купленные фрукты и рачительно прихваченные из дома сырокопчёная колбаса, солёное сало, плетёночка сыра и вяленые окуни собственного улова и приготовления. Ай, хорошо сидим... Ай, благодать-то какая... Ну и как к этому блаженству не присокупить ещё купание в вечернем бассейне?!

24 января 2020 года

Часам к 4 ночи я уже окончательно проснулся и, заварив кофе, устроился, как обычно, в ванной комнате со своими дневниковыми записями. Едва за окном забрезжил рассвет, подался к морю. На нём ещё местами мигали огоньки рыбацких лодок. Ни ветерка. И волны были какими-то совсем домашними, не сердитыми. Мало того, море убежало от берега метров на пятьдесят, обнажив свою прибрежно-накатную плоть. Редкие туристы, опередившие меня со встречей рассвета, флегматично бродили по отливной полосе, обращая взоры куда-то в морскую даль. А кое-кто уже и находился в море, бредя в нём по колено там, где ещё вчера едва доставали дно ногами. Не удержался от искуса принять утреннюю морскую ванну и я.

Завтрак – в ресторане нашего отеля. Под него была приспособлена просторная и высокая пристройка, крытая плотными пластинами пальмовых веток. Большинство блюд адаптированы под вкусы русских туристов, они не очень острые.

Пляжные «макашники» и «офени»

После встречи с гидом, переждав самый солнцепёк в номере, с половины четвёртого и до половины шестого, когда раскалённое за день солнце уж практически упало в море, предавались пляжной неге. От утреннего отлива не осталось и следа. Море совсем рядом плескалось у столиков «макашников», которые с самого утра,

133

затарившись свежими морепродуктами, предлагали их уже в готовом виде праздным туристам. Что предлагали пляжно-побережные «макашники»? Печённые на углях мангалов и жаровен морепродукты: гребешки, устрицы, мидии, кальмары, рапаны (освобождённые от раковин), креветки, два-три вида рыбы; початки варёной крупной жёлтой кукурузы, холодное пиво... Порции у этих «макашников» были весьма умеренными, не то что в ресторанах. Зато цены – явно рассчитанные на туристов, ещё не успевших потратиться. От «макашен» исходил и распространялся соблазнительный запах жареного и печёного, который временами перемешивался, увы, со зловонным – от сливного ручья, вытекавшего прямо в море метрах в семидесяти от наших пляжных лежаков.

Сразу за этим ручьём, за забором внешнего двора отеля, был пустырь, поросший тропической растительностью. По нему меланхолично бродили с полдюжины тёмно-рыжих горбатых коров, отыскивающих там корм. Чем ещё примечателен пляжный отдых, так это мелкорозничными торговцами, фланирующими со своим товаром вдоль побережья. Что предлагают? Как обычно: пляжные принадлежности. Особой популярностью пользуются здесь просторные лёгкие белоснежные хлопчатобумажные рубахи с капюшоном, всех размеров и на любой возраст. Сюда обязательно наведаются «офени», торгующие бижутерией и ювелирными изделиями: браслетами, бусами, колье, серьгами из жемчуга, судя по ценам «цыганского». То же касается и торговцев кожаными изделиями: всевозможные сумки и сумочки, кошельки, брючные ремни, браслеты. Уж каков процент там натуральной кожи – кто бы знал из нас, незнаек, бросающихся, словно неразумные рыбёшки на блестящие обманки. А вот разносчикам фруктов с дымящими ёмкостями морепродуктов мало перепадает: слишком уж конкурируют с ними «стационарные» береговые «макашники» и бесчисленные уличные ларьки с магазинчиками, что всего-то в сотне шагов от пляжного побережья.

Встреча Нового года

Сегодняшний вечер – канун Нового года, Го-да Мыши или Крысы по восточному календарю. Признаться, для нас, в седьмой раз выехавших за границу, в страны Юго-Восточной Азии, это не такая уж и редкость. Примерный сценарий этого торжества мы уже знаем. Во Вьетнаме празднуют Новый год едва ли не полмесяца. Начинают

ещё за неделю до его наступления. И эта неделя считается у них неделей покупок. По восточному обычаю в Новый год необходимо одаривать своих родственников и даже близких знакомых. Потому-то и готовятся к нему, копя деньги и за-годя делая покупки. В это же время принято украшать жилища и улицы красными китайскими фонариками и делать разноцветную люминесценцию. Во дворах и при домах выставляются большие керамические вазы с непременно жёлтыми цветами. Обычно это бывают крупные и на высоких стеблях хризантемы, специально выращиваемые под этот праздник, или золотисто-оранжевые крупные шафраны (бархатцы). Если жители дома (или служители отеля) по вероисповеданию буддисты, непременно украшают свои приусадебные культовые уголки с изображением Будды и других божков жёлто-золотистыми цветами, выставляют фрукты, вкусные кушанья в блюдах и сладкие напитки. Дома и прочие строения украшают яркими плакатами и баннерами с иероглифами, надписями на языках проживающих тут народов. А в последнее время можно частенько встретить новогодние панно и транспаранты с традиционным пожеланием на английском: «Happy new year!» или все на русском: «С Новым годом!» На площадях и в центрах скопления народа устраивают вечером и ночью ношение фигурки дракона, с танцами и огненными фейерверками, под громкие барабанные звуки. Ну и, разумеется, повсюду раздаются звуки взрывающихся петард и хлопушек. Чуть не забыл: едва ли не от каждого ближнего ресторана доносятся звуки песен на вьетнамском языке – признаться, весьма мелодичные. Вьетнамцы очень любят петь под караоке, особенно в праздничные дни...

На сей раз от искушения поучаствовать в уличных шествиях и празднествах мы отказались, созерцая всё это со своей лоджии-галереи. Взрывы и фейерверки продолжались практически до самого утра. Им вторили в ночной акустике громкие рыки мотобайков, заглушающие мелодичные песенные караоке...

25 января 2020 года

Сделав краткие записи в дневнике, уже часов около шести утра отправился в сторону города на рынок, о котором осведомился вчера у ларёчных продавцов и знающих туристов. Улица была ещё почти пустынной, зато со множеством куч мусора, оставленного после встречи

137

Нового года. Слегка остывший за ночь свежий воздух начинал пропитываться и насыщаться уличными утренними ароматами с примесью гниющих отходов и канализации. Местами принимались подметать уличную территорию торговцы, выставляя тут же на столики и прилавки свои фруктово-овощные товары. Ассортимент этих товаров был везде примерно одинаков, как и цены на них. Редкие прохожие попадались мне навстречу, так же как и ранние (или поздние) тархтящие байкеры с непременными масками-повязками на лицах. В одном месте крыса вальяжно выползла, намереваясь пожить остатками пиршества в честь неё. Я непроизвольно прицкнул на неё, и она лениво ретировалась. Верхние этажи домиков-коттеджей и отелей стали окрашиваться лучами вставшего солнца.

Через полчаса ходьбы по левой стороне я наконец-то обнаружил рынок под внушительным навесом. Торговцы начинали выставлять груды товара на прилавки. Между рядами, прицениваясь, неторопливо прохаживались редкие покупатели. Тут же мои ноздри уловили запахи печёного сдобного теста, поджаренного мяса и морепродуктов. Ряды торговцев овощами и фруктами чередовались с «макашниками», пекущими сладкие пончики и булки, вафли и багеты, жарящими вкусные мясные и куриные нарезки. Улавливались и ароматы настоящего вьетнамского кофе. Чуть поодаль шли ряды со свежим мясом всех сортов и видов. Живые ещё утки, курицы и петухи в клетках соседствовали с разделываемыми (ощипываемыми прямо здесь же, опаливаемыми и потрошёными); грудилась куриные и перепелиные яйца – россыпью и в упаковках (таких же, как и у нас, – по десятку и тридцать штук). Ещё глубже, ближе к выходу со стороны моря, находились ряды торговцев морепродуктами. И опять прямо на сыром бетонном полу шла фасовка, сортировка и разделка свежей рыбы разных размеров и видов. Повсюду в соответствии с товаром источались специфические запахи. В этих рядах стоял ещё не выветрившийся аромат моря и его обитателей. Наконец-то я увидел и вожделенных креветок. Вьетнамка перебирала их, ещё живых и шевелящихся, весьма приличных размеров, едва ли не королевских; набирая в чашки, взвешивала на небольших весах и сыпала в полиэтиленовые мешочки-упаковки, видимо, фасуя по полкило и килограмму. Поинтересовался це-

ной. Из расспросов уличных торговцев я уже знал, что цены здесь колеблются в зависимости от времени и улова. Тем более в Новый год. Мне ответили, показав на калькуляторе: «160 тысяч донгов за кило». Я не стал торговаться и вскоре положил в сумку шевелящуюся массу креветок, упакованную в два мешочка.

Пройдясь по рядам, купил свежие огурчики, слегка напоминавшие формой и видом недозрелые кабачки, упаковку куриных яиц. Отоварился помидорами, пятом головок репчатого лука, парочкой крупных сладких перцев (красным и жёлтым), связочкой лонганов. Не удержался от соблазна купить свежих, фаршированных фруктами пончиков. В общем, сумка моя изрядно потяжелела. Кстати, если не торговаться, то изначальные цены здесь практически ничем не отличаются от улично-магазинных. А сбивать цену и торговаться я так и не научился.

Фантхьет – если верно нам пояснил и растолковал семантику гид Валерий – означает «рис у моря». Русские варианты транскрипции – Фантхиет и Фантхьет. В настоящее время это весьма цивилизованный город с населением 350 тысяч человек. Его история, как и многих населённых пунктов южной части современного Вьетнама, из-за благодатного климата, приближённости к морю и протекающей реки Са Ту уходит во времена индуистского королевства чамов Каутхара, покорённого Дайвьетом в 1470 году. Находится он примерно в 200 километрах от Сайгона (Хошимина). И столько же от него до Нячанга. Река, впадающая в пяти километрах в море, образует плодородную дельту и губу-лиман. Видимо, из-за благоприятных условий выращивания тут риса город и назван.

Внутренняя история Вьетнама во многом связана с династическими войнами за обладание королевской короной – между кланами Чинь, Нгуен, Ле и Тэйшон. Современные вьетнамцы носят имена этих династических фамилий, среди которых наиболее распространённой оказалась фамилия Нгуен. Обладателями этих королевско-династических фамилий были даже партийные лидеры и руководители социалистического Вьетнама – Ле Зуан и Нгуен Фу Чонг.

Новая история Фантхьета начинается с 1995 года, когда ожидалось полное солнечное затмение, которое удобнее всего было наблюдать именно отсюда. 24 февраля в город съехалось много людей, среди которых оказались и просто туристы. Затмение затмением, а вот тури-

135

стам очень приглянулись эти места. И уже летом сюда хлынули потоки «дикарей».

Чамские башни Посахины – комплекс из трёх башен: главная – в честь бога Шивы, другая – в честь быка Шивы и третья – принцессы Посахины. Построены они были здесь ещё в VII веке. Все башни древнего королевства чамов являлись составляющими комплексов культовых мест индуизма. Строились они в едином архитектурном стиле со множеством рельефных уступов-пилястр, фигурок божков и пирамидальными крышами. Изготавливались башни из красного кирпича, по прочности не уступающего камню. Вот потому-то и выстояли многие из них, несмотря на попытки вандального разрушения завоевателями. И до сих пор в них проводятся религиозные обряды, при этом осуществляются они только лёжа.

Семисотметровая гора Таку, находящаяся в 40 километрах от города, со знаменитой статуей лежащего Будды (длиной в 49 метров). Это самая большая скульптура лежащего Будды – основателя буддизма Шакья Муни. Вообще, фигура лежащего Будды очень характерна для культовых храмов буддизма. Она символизирует достижение состояния нирваны. Здесь же строили её три года (с 1962-го по 1965-й). Длина этой скульптуры говорит о 49 днях-ступенях к нирване. Высота (11 метров) – 11 ступеней буддизма. При этой скульптуре имеется и действующий буддистский монастырь.

Маяк Ке Га – самый высокий маяк в Юго-Восточной Азии расположен на острове. Выполнен он был французским архитектором Шенаватом и введён в строй в 1899 году. К достопримечательностям города относят ещё озеро Лотосов, Красные и Белые дюны, а также ручей Фей.

К нашему великому разочарованию, экскурсионная ознакомительная поездка в Фантхьет оказалась банальнейшей шопинговой раскруткой. Первым остановочным пунктом нашей экскурсии явился ювелирно-торговый центр, над входом в который красовалась надпись: «Принцесса Джewelри». Это и впрямь внушительный торговый центр с изделиями из драгоценных и полудрагоценных камней, добываемых во Вьетнаме, коих насчитывают порядка 50 видов: разнообразные сапфиры, рубины, изумруды, топазы, аметисты, жемчуга... Осмотр витрин с ювелирными украшениями поистине повергает в шок! Такое разнообразие и невообразимая красота! Кольца, перстни, серьги, колье, браслеты,

подвески, броши – в золотых и серебрянных оправках... И при этом такие мизерно-нищенские наши покупательские возможности... Правда, с полдюжины туристов нашего автобуса всё же приобрели для себя кое-что, получив в качестве новогоднего бонусного подарка кто бутылку шампанского, кто майку с логотипом центра, кто ещё какую-либо сувенирную безделушку.

Проехав по красивому мосту Чан Хунг Дай через реку Са Ту, мы приблизились к следующей остановке. Теперь пунктом шопинговой раскрутки был центр восточной медицины «Моринга» (для нас с женой подобное было уже едва ли не в третий раз). В качестве развлечения – десятиминутное шоу факиров со змеями и питонами. Признаться, нам это уже так надоело, что мы не пошли на зрелище, а побродили по двору и окрестностям, сделав несколько неплохих фотоснимков. А далее опять, как по единому сценарию: рекламно-лекционный экскурс в историю народной медицины и изготовления препаратов – из дерева моринга, женьшеня, лекарственных растений Вьетнама, змей, скорпионов, крокодилов и прочих рептилий. С показом и рекламой препаратов. И непременно акцент на том, что в магазинах и аптечных пунктах города нам обязательно втюхают явную подделку, что настоящие препараты можно приобрести только здесь. После торговые залы с рекламными зазывалами. Помимо лекарственных препаратов, здесь немало изделий из кожи: змей, крокодилов и других пресмыкающихся. Жена моя подзадержалась и вернулась, неся в руках пакетик, в котором оказалась купленная за 270 тысяч донгов мазь-бальзам зелёного цвета из яда то ли кобры, то ли скорпиона. Замечу, что аналогичные мази «У Вани» и в иных торговых точках Муйне стоят на порядок меньше (а процедурный эффект такой же). Ну как тут не припомнить строки: «Ах, обмануть меня нетрудно, я сам обманываться рад».

Наконец высадили нас, уже потемну, у Центра чая и кофе. Рассадив за столы и выдав квитанции с перечнем дегустируемых напитков, нам поведали о чаях, выращиваемых во Вьетнаме, и сортах кофе: арабика, робуста, гибридном кофе «кули», ну и, разумеется, таких сортах, как «лювак» и «слон», полученных из фекальных отходов зверька куничка и слонов. В настоящее время Вьетнам является вторым в мире по выращиванию и экспорту кофе, вполне конкурентного на мировом рынке.

Среди сортов чая акцент был сделан на сорта «оолонг лотос», «оолонг молочный», «женьшеневый», «артишоковый» и на какао. Особенности выращивания и получения каждого сорта кофе, как и чая, сопровождались не только эмоциональными рассказами, но и дегустацией из мизерных (на один глоток) фарфоровых чашечек.

После дегустации – торговые залы с чаями, кофе и крепкими напитками, вплоть до рома с заспиртованной в каждой бутылке змеей или скорпионом. Ну и, непременно (а как без этого?) – только здесь (и нигде более!) мы сможем приобрести настоящие брендовые товары. Охотно клевали на эти приманки туристы, приехавшие во Вьетнам впервые...

Рыбаки и уловы

С рассветом следующего дня решил податься к морю. Тут-то наконец я увидел рыбаков, выплывавших в своих круглых лодках-корзинах с моря, с уловом. Причалив лодку к берегу, один-два вьетнамца помогали рыбаку с помощью специальных бамбуковых шестов оттащить её на песчаный берег, метров на десять – пятнадцать от воды.

В лодках грудю лежали сети и ловушки. Подстелив на песок подле лодки клеёнку или кусок полиэтилена, начинали перебирать сети, выпутывая и отбрасывая в сторонку улов. В крупной ракушечной сети попадали в основном ракушки-рапаны размером с кулак, разноцветные раковинки-гребешки диаметром со стакан, кальмары, лобстеры, членистоногие, с вёсельными хвостами серые королевские креветки; поблёскивала не очень крупная рыба (внешне напоминающая мне ставридку и сайру); между ними какие-то пластинчатые желеобразные коричневатые водоросли (или что-то иное?). Признаться, я ожидал большего и разнообразного. Очищенные от улова и мусора сети укладывались в грудю, улов же сортировался в зависимости от вида морепродуктов.

Помогали в этом деле и женщины, непременно в марлевых масках и конических вьетнамских шляпах. Прямо тут же кололи раковины рапанов и извлекали из них шевелящиеся тела. Остатки раковин бросались на берег, их содержимое – в специальные ёмкости. Тут же находились уже и скупщики – побережные «макашники». Так что выловленный товар у рыбаков не залеживался и реализовывался прямо на берегу.

А вот и ещё один вид рыбалки: из моря вручную выбирали мелкоячеистый (до 10 мм) невод.

Этот невод, длиной не менее полукилометра только каждой из стенок, высотой (шириной) метра в полтора, выставлялся вдоль побережья ночью, метрах в трёхстах от берега. Теперь оба конца его начинали выбирать – сначала прочные концы-канаты, постепенно сближая по берегу друг к другу. Каждый конец невода тянули по три рыбака, упиравшись ногами в песок и пятясь задом от воды. «Бурлаки», сближаясь с обоих концов, продолжали с усилием делать своё дело, покуда не стала показываться и сама «мотня» невода, взбудораживающая за собой воду. Наконец и основная часть невода оказалась на берегу. Любопытные наблюдатели, в числе коих был и я, подошли ближе. И каково же было наше разочарование уловом: там оказалось всего килограмма полтора мелкой рыбёшки, среди которой попадалась и такая, какую ловили на обычную удочку...

Вечером у себя в номере отварили часть купленных креветок (для этого специально из дома прихватили небольшую алюминиевую кастрюлечку и электрокипятильник), сделали салат из свежих огурцов, помидоров, перца и репчатого лука, заправив всё майонезом. Добавили моих вяленых окуней, сырокопчёную колбасу, сыр, хлеб «дарницкий» – получился вполне приличный ужин. К тому же – пиво и ром. И после ужина купание-барахтанье в бассейне внутреннего двора...

Ручей Фей

Гуляя вдоль улицы, метрах в трёхстах от нашего отеля я неоднократно обращал внимание на мостик, перекинутый через небольшой ручей с красной водой. По ручью постоянно двигались потоки туристов. Как оказалось, это одна из достопримечательностей Муйне – ручей Фей. Ну как тут не посетить его? Дойдя до мостика, по сходням мы спустились к ручью, сняв обувь. Вода в ручье и впрямь была на удивление красной, будто кто развёл в ней гуашь красного цвета. Впрочем, как ни странно, но наши уже изрядно подзагоревшие ноги несколько ею не окрашивались. Итак, Красный ручей, или ручей Фей. Согласно поверью аборигенов, посещение этого места придаёт дополнительные силы и энергию. Правда, в это надо поверить ещё и самому.

Ручей чем-то напомнил мне пешеходный Арбат или аналогичную улицу в Челябинске, где не было грохота и сигналов проезжих машин, байков, а по нему хаотично сновали лишь одни пешеходы. Ручей вверх по течению от мостика был мелководным, едва доходившим до

137

щиколоток, шириной всего от трёх метров и до семи-восьми в иных местах. Вода тёплая, как в бассейнах или в море, медленно текущая. И никаких рыбёшек в ней, как и прочей живности, мы не заметили. (Правда, в интернете я позднее вычитал, что иногда всё же попадаются змеи. Да это и неудивительно: левобережная сторона ручья была практически сплошь из джунглевой растительности.) Зато движение по ручью было весьма интенсивным, в обе стороны. Люди не спеша передвигались по руслу – с фотоаппаратами и видеокамерами. У большинства туристов были пакеты с обувью, а то и вообще обувь несли прямо в руках. Помимо туристов европейской внешности, здесь было много азиатов. И особенно китайцев, которых отличали марлевые маски на лицах. Они не снимали их даже и тогда, когда фотографировались. Большинство пешеходов, попадавшихся нам навстречу, были весьма эмоционально возбуждёнными, явно с положительным зарядом от посещения Красного ручья.

Чем дальше мы продвигались вверх по ручью, тем чаще стали попадаться торговые точки, предлагающие мороженое, коктейли, свежие соки из фруктов и тростника, разнообразные фрукты. В одном месте мы соблазнились даже дегустационными кусочками знаменитого дуриана. Вот тут-то я впервые за всё время осмелился на дегустацию этой экзотики. Запашок от него и впрямь был тот ещё. А вкус – ни с чем не сравнимый. Его мякоть была нежной, пастообразной, вкус – сладко-приятный, но не приторный. И уже напрочь исчезало предубеждение, вызванное запахом. Небольшие кафешки, зацепившиеся за площадочки косогорья, предлагали лёгкий перекус и релаксацию с бутылочкой пива, а то и с рюмкой рома или виски со льдом.

Метров через триста от начала нашего пути по ручью Фей повстречалась красочная высокая арка, представляющая собой пункт пропуска. По обеим сторонам арки стояло по полицейскому, требующему от каждого туриста плату за дальнейшее продвижение по ручью. Поодаль находилась будочка, в которой продавались билеты. И стоил входной билет 15 тысяч донгов (45 рублей). Совсем ещё недавно посещение ручья было совершенно бесплатным. Взимание с туристов платы за практически некультурное место откровенно отдавало духом литературного авантюриста Остапа Бендера (в эпизоде с Про-

валом). А вот суммарный навар, похоже, даже за одни сутки получается здесь весьма приличной.

Деньги, конечно, были невеликими, но за что их с нас взимали, мы так толком и не поняли, поскольку дальнейший путь по ручью не был практически окультурен, разве что убирался мусор, оставляемый туристами, да повстречались две-три беседки и качели-тарзанки... Ну и ещё один аттракцион: вольер, метров пятьдесят по сторонам, в котором находилось два страуса под сёдлами. И за дополнительную плату (100 тысяч донгов) на них можно было прокатиться по периметру вольера, сидя в седле. Но и тут были весовые ограничения – до 70 кг.

Как раз дальше-то и начиналось самое интересное! Ручей протекал по своеобразному каньону, стены которого с левой стороны вверх по течению представляли собой удивительные естественные изваяния из глинопеска, сотворённые ветром, водой, солнцем и временем. Причудливые формы этих стен напоминали чем-то марсианский пейзаж: то пологие песчаные оползни, то вертикальные рельефные столбы. Местами выветренный песок образовывал налёты – большие чистейшие скопления – от самого подножия и доверху, метров на семьдесят. И трудно было удержаться, чтобы не подняться по этому раскалённому краснодюнному песку на самый верх. Не осилил соблазна и я, поднявшись, запыхавшийся, на вершину, зато награждённый за это отличными пейзажными снимками.

Мало того, белоснежные вертикальные плиты-полосы и столбы соседствовали с такими же, но красного цвета. При этом красноцветные изваяния обычно преобладали. Этот красный цвет песка и окрашивал воду ручья, глубина которого местами доходила до колен. Кое-где попадались мизерные ручейки, впадающие в русло. Вода в них была почему-то теплее, чем в самом ручье. Возможно, где-то наверху образовалось от скопления воды небольшое озерцо, и вода там прогревалась на солнце сильнее. А уже из этого озерца стекала вниз. По мере продвижения к конечному пункту маршрута твёрдое песчаное дно всё чаще устилалось камнями, а вода в ручье становилась прозрачнее. Километра через полтора мы упёрлись в причудливый «замок» – всё из тех же строительных, но исключительно серых материалов. «Замок» имел множество башенок и бойниц, а внутри него могло поместиться не более полудюжины человек. И я подумал:

138

«А может быть, тут и есть главная резиденция тех самых волшебных фей, подаривших этому ручью название?»

Буквально метрах в пяти и чуть позади этого «замка» струился несколькими плоскими водяными потоками небольшой прозрачный водопадик, стекавший с семиметровой высоты. Постояв тут минут пять и сделав снимки, мы не спеша двинули в обратную сторону. Откуда берёт своё начало этот ручей, мы так и не выяснили, но дальше этого водопада никто из туристов обычно не ходит. И, к счастью, никаких змей и прочей жаляще-кусающей гадости мы не повстречали. Ну и слава богу! Зато впечатлений и эмоций тут набрались на весь оставшийся вечер.

27 января 2020 года

Ещё 200 километров на юг Вьетнама

На выходе, перед прибытием автобуса, нас оросили капли тёплого южного дождика. Мне вспомнилась полусерьёзная песенка из юности: «Добрая примета – капля дождевая...» Впрочем, этот малахольный дождичек сопровождал нас всего-то минут двадцать пять, пока мы ехали по городу. Дождевые капли освежали знойную дорогу, а дворники с лобового стекла автобуса смахивали дождевики, собиравшиеся в ручейки.

Сопровождающим нас экскурсионным гидом на сей раз оказался смугловатый мужчина, назвавшийся Валерием. Его говорок с лёгким акцентом выдавал в нём малоросса. К его чести, за всю экскурсию он лишь однажды обмолвился, что родом с Украины. И больше ни слова о натянутых отношениях Украины с Россией. Чем ближе к бывшей столице Южного Вьетнама, тем больше стало попадаться католических храмов – от миниатюрных часовен и до капитальных соборов, с непременными массивными католическими каменными крестами. Предрасветную темноту всюю ещё расцвечивали огни новогодних украшений.

Придорожные строения деревень перемежались с приусадебными полями и участками. И всё чаще попадались участки с густыми кустами питахайи, каждый из которых ещё и подсвечивался небольшой электрической лампочкой. Питахайя – культовое растение вьетнамцев, без плодов которого не обходится ни один новогодний праздничный стол. Цветёт и созревает оно исключительно ночью. Причём лучше и быстрее, если его дополнительно осветить и подвести к каждому кусту орошение. Временами попада-

лись участки из стройных рядов лиственных деревьев, к каждому из которых примерно в метре от земли была прикручена получаща. Это – плантации гевей, а в чаши собирается их сок, из которого получают латекс и каучук.

Хошимин – Сайгон. Немного истории

Со слов гида Валерия, Сайгон трактуется как «дерево на реке». Как и многие города и поселения современного Вьетнама, насчитывающие тысячелетние истории, нынешний город Хошимин имел несколько названий. Среди них наиболее распространённым и устойчивым являлся Сайгон. В настоящее время это самый большой город Вьетнама. В нём проживают, по одним данным, порядка 11 миллионов населения, по другим – 8,5 миллиона. Поскольку находится он в дельте Меконга, крупнейшей реки Индокитая, его история уходит в древность. Эту плодородную для земледелия дельту реки, богатую рыбой и морепродуктами, не могли не облюбовать древние народы, проживавшие здесь.

В 1802 году Вьетнам формируется как одно государство. Увы, XIX век не принёс Вьетнаму единства и мира. Активный процесс колонизации Юго-Восточной Азии европейцами не мог не затронуть и королевства вьетов. На этот лакомый кусок нацелила свои алчные интересы Франция, которая, как гидра, от своего наполеоновского эпицентра стала проявлять агрессию во все стороны (Египет и Северная Африка, страны Индокитая, на востоке – Россия и т. п.).

К середине XIX века (1859 г.) колониями Франции стали первые три провинции севера вьетнамского королевства. Экспансивные планы Франции ширились с каждым годом, число провинций, входящих в колониальную митрополию, увеличивалось. С 1867 года столицей французской колонии во Вьетнаме официально стал Сайгон, переименованный по названию реки, объединяя пять южных провинций. Вьетнам периода французской колонии вошёл в историю, литературу и кинематограф под названием Индокитай. С 1867 по 1901 год Сайгон являлся официальной столицей колониального Индокитая.

Тут следует сделать некоторую оговорку. Не всё во время колонизации было так уж и плохо для развития Индокитая и предпосылок для его дальнейшего формирования как единого самостоятельного государства Вьетнам. Французы привнесли во Вьетнам немало и положительно. Благодаря французам Вьетнам обрёл свою

139

грамматность, прокитайские иероглифы заменены латиницей. При этом была разработана оригинальная грамматика, адаптированная под тонально-слоговую разговорный язык вьетнамцев. Миссионерство несло населению Индокитая новую для них религию – католическое христианство. Строилось множество католических храмов по канонам европейской архитектуры. Появились новые города в европейском стиле. В 1893 году было положено начало строительству города Далат в высокогорном районе.

Благодаря французам во Вьетнаме появились целые отрасли народного хозяйства, в частности молочное животноводство, виноградарство и виноделие. Более сорока лет отдал Вьетнаму французский учёный-микробиолог с мировым именем Александр Йерсен, занимавшийся изучением эпидемий и вирусов, разрабатывая противовирусные вакцины, вплоть до создания в Нячанге научно-исследовательского эпидемиологического центра им. Луи Пастера.

По проектам французских архитекторов были построены уникальные здания в Сайгоне, такие как собор Нотр-Дам де Сайгон, главпочтамт, мэрия, оперный театр, и многое другое. Это из-за налогов на катера и лодки вьетнамские рыбаки научились делать круглые плетёные лодки-корзины, получившие название тхунгчай, широко применяемые и в настоящее время.

И всё же, какие бы блага ни нёс колониальный протекторат, народ всегда стремится к избавлению. Колониальный режим поддерживался в Индокитае благодаря марионеточному правительству королевских династий. Первая половина XX века в цивилизованной Европе взбудоражена революционными движениями. Бывшая могучая Российская империя освобождается революционным путём от царствующей династии Романовых, превратившись в первое в мире социалистическое государство – СССР. Труды его главного идеолога В. И. Ленина становятся достоянием революционно настроенных умов даже в странах Индокитая. Один из сторонников революционных преобразований – вьетнамский коммунист Хо Ши Мин, создавший Коммунистическую партию Индокитая. А в 1941 году по инициативе всё того же Хо Ши Мина была создана Лига за независимость Вьетнама – Вьетминь. 2 сентября 1945 года лидером борьбы за независимость было провозглашено образование неза-

висимой Демократической Республики Вьетнам (ДРВ) с центром в северной части страны – городе Ханой.

Однако осенью того же года французам удалось восстановить колониальный протекторат над южной частью Индокитая, а в декабре 1946 года Франция начала крупномасштабные военные действия против независимой республики в северной её части. И, по сути, именно с этого времени современная история Вьетнама выделяет два самостоятельных государства: Северный (демократический) Вьетнам и Южный (колониальный) Вьетнам. Столицей Южного Вьетнама, как и прежде, является город Сайгон.

В 1950 году военную помощь Южному Вьетнаму стали оказывать США. В противовес им на стороне Северного Вьетнама выступил Китай, имея, между прочим, и свои корыстные цели в виде некоторых спорных островов Южно-Китайского моря.

В 1954 году в Женеве на конференции было узаконено соглашение между противоборствующими сторонами, согласно которому прекращалась история колониального Индокитая и признавалось два самостоятельных и суверенных государства Вьетнама, разделённых по 17-й параллели.

Северный Вьетнам, со столицей в Ханое и лидером Хо Ши Мином, вступил на прокоммунистический путь развития. Южный Вьетнам (с Сайгоном) оставался пока ещё под колониальным протекторатом Франции, управлялся марионеточным правительством последнего императора Бао Дай. Недовольство марионеточным правительством привело к тому, что в Южном Вьетнаме стали формироваться силы сопротивления, что повлекло за собой, по сути, гражданскую войну.

Императора Бао Дай сменило правительство Зьема, не менее марионеточное. В 1960 году под влиянием патриотически настроенных сил и коммунистов создаётся Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама, получивший вскоре название Вьетконг. Вьетконговцы (вьетнамские коммунисты) начинают активные военные действия против колонистов и поддерживающей их режим части народов Южного Вьетнама. Мало того, они обращаются за помощью к военным силам Северного Вьетнама (ДРВ). И те через горы и территорию соседних Камбоджи и Лаоса перебрасывают в Южный Вьетнам до 40 тысяч своих военных вместе с

170

оружием и техникой (так называемой Тропой Хо Ши Мина).

И с 1965 года в эту войну втягиваются военные силы США – якобы для оказания помощи по просьбе правительства Южного Вьетнама. После поражения американцев в войне, в 1975 году, Сайгон переименовывают в Хошимин в честь вождя вьетнамских коммунистов. Южный и Северный Вьетнам наконец-то объединяются вместе и с тех пор существуют уже как Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ). А ныне вновь возвращено прежнее официальное название – Демократическая Республика Вьетнам. Между столицей нынешнего Вьетнама Ханоем и Хошином расстояние 1 700 километров.

Современный Хошимин, с населением 8,5 миллиона человек, – многонациональный город, в котором основными являются вьеты, хоа (китайцы), кхмеры и тямы. Порядка 80 процентов населения исповедуют буддизм (во всевозможных его проявлениях), 10 процентов – католики. Хошимин – крупнейший промышленный, научный и культурный центр Вьетнама. Одних только высших учебных заведений насчитывается в нём более сорока.

Музей военных преступлений

Туристический автобус, миновав широкий и довольно длинный мост через реку Сайгон, петляя по не очень пока загруженным улицам Хошимина, продвигается к месту нашей первой остановки. Приятно удивляют и даже поражают виды новых кварталов этого города – гигантскими высотками из стекла и бетона. Да и улицы здесь, не в пример Муйне и Фантхьету, намного шире и чище. Такое впечатление, что находишься в самом настоящем цивилизованном европейском мегаполисе. Особо поражает своим величием комплекс высоток, принадлежащих одному олигарху – долларовому миллиардеру, начавшему бизнес с лапши быстрого приготовления. В центре комплекса высится здание Bitexco Financial Tower, со смотровой площадкой на 49-м этаже и выступающей площадкой (примерно на уровне 40–50-го этажа) для посадки вертолётов VIP-персон.

Военный музей – это целый музейный комплекс, находится недалеко от центра города. Пройдя через пропускные ворота, попадаем на открытую огороженную территорию, на которой экспонируется военная техника, применяемая в течение двадцатилетней войны американцев против вьетнамцев: различные самолёты

(за исключением бомбардировщиков Б-52, которых за всё время военных действий было сбито всего две единицы), боевые бронированные вертолёты, артиллерийские орудия (вплоть до гаубиц и ракетных установок), боевые машины пехоты и бэтээры, огнемёты, миномёты и гранатомёты... Особое место под открытым небом занимают образцы авиационных бомб. За время боевых действий американской военщиной было сброшено на Вьетнам более 18 миллионов различных авиабомб! Население всего Вьетнама составляло на то время порядка 45 миллионов человек, нетрудно подсчитать, что на трёх вьетнамцев приходилось по одной авиабомбе.

Мало того, американцы в этой войне испытали многие виды запрещённого химического и бактериологического оружия, вылив на территорию Вьетнама 80 миллионов литров отравляющих веществ! От такого оружия, как напалм, заживо сгорели тысячи вьетнамских сопротивленцев и мирных жителей. Особой жестокостью со стороны американцев отмечено применение диоксина, от которого гибли не только люди и животные, но и вся растительность. В местах его применения, как после пожарниц, стоял совершенно голый лес. Не менее варварским было и использование белого фосфора.

25 февраля 1969 года (ровно за неделю до событий на советско-китайской границе на острове Даманском) благодаря бесстрашию журналистов мир облетела весть о небывалой жестокости американской военщины, когда было уничтожено мирное население (500 человек), включая детей и даже грудных младенцев, вьетнамской деревушки Сангми. По приказу самодура-лейтенанта вооружённые до зубов вояки расстреливали едва ли не в упор из автоматов всех подряд, кто бы ни попался им на пути, в том числе и спавших в своих домах и кроватях немощных стариков и малолетних детей. Якобы из-за того, что мирные крестьяне здесь оказали сопротивление американским солдатам. Удалось спастись лишь 32 жителям, поведавшим о зверствах «освободителей». Сангми – это вьетнамская Хатынь...

Более трёх миллионов погибших вьетнамцев – таков итог сопротивления и борьбы за независимость вьетнамского народа против американской военщины. Почти девять миллионов граждан Вьетнама и его союзников прошли через эту войну. Потери американцев за десять лет

боевых действий составили порядка 58 тысяч солдат и офицеров. На стороне Вьетнама было немало советских военных инструкторов. Советский Союз официально не принимал участия в боевых операциях, тем не менее потерял здесь более 40 своих сограждан.

Три этажа здания военного музея своими экспозициями наглядно показывают преступные зверства американской военщины против регулярных войск, партизан и мирных жителей этой маленькой свободолюбивой страны, боровшейся за независимость. Стрелковое оружие всех видов и модификаций, тысячи экспонатов боеприпасов, гранат, мин и патронов заполняют залы музея. А ещё – фотографии людей, от которых становится дурно и не выдерживают нервы, на которые невозможно смотреть без слёз и спазмов. Людей, изуродованных не только стрелковым оружием, но и воздействием отравляющих веществ, а также рождённых послевоенных детей-уродцев... Отголоски той войны протуберанцами прорываются и в наше время. На потомстве отражаются.

С захватом правительственного здания Южного Вьетнама объединёнными национально-освободительными силами 30 апреля 1975 года официально заканчивается эта кровопролитная война. Войска США были полностью выведены из страны, а бывшую военную базу США в Камрани арендовали у СРВ военные СССР.

Нотр-Дам де Сайгон

Миновав красивое здание народного собрания, в проектировании которого принимал участие знаменитый французский архитектор Гюстав Эйфель, наш автобус подъезжает к самому центру города – главпочтамту и собору Нотр-Дам де Сайгон, находящимся на площади Парижской Коммуны. Католический храм Нотр-Дам де Сайгон не без основания можно считать младшим братом знаменитой французской базилики Нотр-Дам де Пари. На это родство указывает и первая часть названия (Нотр-Дам де). Кто же из иностранных туристов, приехавших в Париж, минует несомненный шедевр средневековой архитектуры – собор Парижской Богоматери, воспетый в литературе французским классиком Виктором Гюго?

Для возведения собора по подобию парижского из Франции завозились морским путём абсолютно все строительные материалы, предметы внутреннего убранства и даже уникальный музыкальный инструмент – орган. Открыт собор

был на католическую Пасху. С момента открытия католическая базилика Сайгона получила статус государственного собора Франции. В 1895 году к основному зданию пристроены две боковые колокольни. Согласно архитектурно-композиционному замыслу, в комплекс собора входила скульптурная группа, стоящая отдельно перед входом на мраморном постаменте. Скульптура символизировала религиозно-государственный протекторат Франции над Вьетнамом. Из бронзы была отлита фигура архиепископа, ведущего за руку принца Кун Ху (сына тогдашнего императора Гия Лонга). Но во время провозглашения Хо Ши Мином Независимой Республики Вьетнам (1945) эта скульптурная группа была снесена с пьедестала. Он оставался пустым более десяти лет, пока не решили возвести новую статую. А кто должен был занять это место, очевидно: та, в честь кого и возведена базилика, Пресвятая Дева Мария.

Между тем Нотр-Дам де Сайгон имеет и архитектурные отличия от своего знаменитого собрата. И не только в том, что он меньше размерами. К примеру, у него отсутствуют изваяния химер, сидящих на верхнем ярусе по периметру крыши. Не полюбоваться воочию и уникальными витражами окон и плафонов перекрытия. Красоту витражей этого собора в какой-то мере воспроизводят лишь цветные фотографии. Сами же витражи были порушены во время боевых действий в Сайгоне и до сих пор не восстановлены. Да и вообще, полная реставрация собора ещё далека от своего завершения. К тому же после недавнего трагически-печального события с пожаром в Нотр-Дам де Пари было решено и в этом соборе заменить тяжёлую черепичную кровлю на более лёгкую, из негорючих материалов. Так что боковые фасады находятся в строительно-реставрационных лесах. Да и внутрь собора туристам не попасть. Зато фотографируйся на его фоне сколько душе угодно!

Чем ещё примечателен собор, так это бело-снежной статуей Богоматери. Изваять фигуру Богоматери было разрешено итальянскому скульптору Джузеппе Сиочетти. И в 1959 году четырёхметровая статуя Девы Марии из белого мрамора была возведена на пустующем постаменте. В руках Пресвятая Дева Мария держит глобус, попирая ногой змею. А не так давно, в 2012 году, эта статуя явила миру чудо – замирилась. Впрочем, официально это чудо главой

172

Ватикана и всей католической церкви Папой Римским признано не было.

Главпочтамт является достопримечательностью современного Сайгона (Хошимина). Как и здание народного собрания, он проектировался при участии Гюстава Эйфеля, а посему является объектом охраны ЮНЕСКО. Над его арочным входом в полукруге красуются крупные буквы латиницы: «Vuu Dien», под ними – часы.

Почта как весьма сложный институт передачи письменной информации и посылок в настоящее время утрачивает своё былое значение и традиции. Виною тому мультимедийные средства коммуникации. Тем не менее почта вообще и главпочтамт в Сайгоне до сих пор считаются действующими. Отсюда можно отправить почтовое сообщение в виде открытки в любом направлении.

Здание главпочтамта соседствует с упомянутым храмом. И изрядно контрастирует с ним как по архитектуре, так и по цветовому решению. Выполнено оно в серых тонах в отличие от собора. Оно и понятно: религиозность по тем временам имела доминирующее значение. Вместе с тем здание главпочтамта, не подавляя величие собора, входит в единый архитектурный ансамбль центральной площади. А когдаходишь внутрь здания, для тебя открываются объёмы – со сводчатыми высокими витражными потолками, боковыми «крыльями» (ныне занятыми под торговые залы). На стене, противоположной входу, большой красочный портрет вьетнамского кормчего Хо Ши Мина. В целом же внутренний антураж этого почтамта чем-то напомнил мне Пассаж в Питере.

Возвращаясь к теме действенности главпочтамта, отмечу, что всем иностранным туристам здесь непременно посоветуют купить у уличных торговцев (или в киосках почтамта) красочную объёмно-складную открытку с видами Сайгона и отправить её домой или своим родственникам-знакомым. Правда и то, что идти такая открытка до адресата будет весьма долго. Отправители приедут домой гораздо быстрее, чем придёт открытка. Так что эта открытка лишь своеобразный свидетель того, что «и я там был».

И ещё. В небольшом скверике справа от входа в главпочтамт поставлена скульптурная группа в честь первого вьетнамского космонавта – Героя Вьетнама и СССР, лётчика Фам Туана, сбившего в своё время один из двух американских бомбардировщиков Б-52. Сие сооружение симво-

лизирует причастность Вьетнама к покорению космоса. А по левую сторону от входа тоже скульптурная композиция – в виде двух вьетнамских бойцов-партизан (парень и девушка с оружием в руках) – символ повстанческого национально-освободительного движения вьетконговцев.

Послеобеденный променад

Собрав после обеда группу, Валерий провёл инструктаж на дальнейшие два часа нашего свободного времени в Сайгоне, раздав каждому карту-схему и сообщив номер своего телефона (мало ли что). Порекомендовав сходить на центральный рынок Сайгона, наметил он и обозначил нам время (2 часа дня) и место сбора (всё у того же собора и главпочтамта).

Высмотрев по карте месторасположение рынка, мы не спеша двинулись к нему в надежде купить там внуку обещанное лего или что-нибудь оригинальное, чего не было в «наших» магазинах Муйне. Поплутав, вышли к бесконечным торговым рядам. И, пройдя немного, мы были изрядно обескуражены: ничего особенного там не было – всё тот же ходовой ассортимент товаров, что и «у нас». Нигде не обнаружили и лего. К тому же цены буквально на всё были в два, а то и три раза выше. Ну и на кой нам такой рынок?! Всё это можно было приобрести едва ли не в любом магазинчике Муйне, но значительно дешевле.

Повернув от торговых рядов на примеченный ориентир – самое высотное здание города, мы двинулись в обратную сторону. Пройдя немного назад, встретили по пути очень красивое белокаменное строение оригинальной конструкции со множеством архитектурных украшений. Им была ратуша, или мэрия, построенная также французами. Мэрия, или, как официально называют, здание Народного комитета Сайгона (Сайгон сити-холл), строилась по проекту архитектора Фернанда Гардеса. Строение предназначалось первоначально под элитный отель. Однако удобное расположение практически в центре города послужило основанием для размещения здесь городской ратуши. А с получением Вьетнамом независимости в этом здании стал заседать городской Народный комитет.

После объединения Вьетнама через дорогу от ратуши был установлен памятник вождю Вьетнама. На мраморном красном пьедестале скульптурное изображение сидящего Хо Ши Мина с ребёнком на коленях и книгой в руках.

Перпендикулярно к ратуше расположен сайгонский «Арбат» – пешеходный проспект, наря-

173

женный по случаю Тета всеми мыслимыми и немыслимыми украшениями, яркими живыми цветами и украшенный скульптурными композициями, символизирующими наступающий Год Мыши или Крысы. Едва мы попали на этот проспект, как на нашем пути возник упомянутый памятник самому почитаемому во Вьетнаме человеку – Хо Ши Мину. Он расположен спиной к мэрии, устремляет свой взор вдоль проспекта – в светлое будущее вьетнамского народа, правой рукой указуя этот путь. Памятник этот, в полный рост, семиметровой высоты, был поставлен на прежнем постаменте вместо сидящего вождя в 2015 году.

Чем дальше мы продвигались по проспекту, тем больше народа его заполняло. Признаться, преобладали толпы китайцев, кои безошибочно угадывались по марлевым маскам-повязкам и восторженному фотографированию во всяких изощрённых позах.

Не могли и мы не оставить память об этом замечательном месте и дне пребывания в Сайгоне на флеш-карте зеркального аппарата. А фоном послужили: великолепный фонтан с распустившимся крупным розовым лотосом посредине; дружелюбные скульптурные группы мышей и крыс; огромный поднос-ваза с яркими экзотическими тропическими фруктами; решётчатая шпалера с витиеватыми цифрами «2020»; огромная клумба с цветущими орхидеями самой разной расцветки; вазы и вазоны с крупными золотистыми цветами хризантем... И куда ни глянь – высотки-небоскрёбы современного сити!

По пути к месту сбора забрели мы в одну из уличных галерей, где выставлены яркие картины, ещё вовсю пахнущие масляными красками. Это был своеобразный вернисаж: полотна героического эпоса; ярко сочные натюрморты, пейзажи и бытовые сцены, в которых присутствовали крестьяне в национальных конических шляпах, рыбаки в лодках, женщины с палками-коромыслами на плечах; городские пейзажи и жанровые сцены – с домами и улицами, заполненными людьми, байкерами и даже велорикшами; портреты людей, лирические и любовные сцены – вплоть до ню, но в стиле кубизма... И получили мы от их созерцания немало удовольствия и положительных эмоций.

Никого не потеряв и не забыв, наш автобус с переполненными эмоциями пассажирами в начале третьего часа дня отправился обратно. И где бы мы ни ехали по городу, отовсюду была видна высотка-башня, ставшая визиткой-ориентиром Хошимина. Кстати, два названия города –

как прежде Сайгон, так и нынешнее Хошимин – здесь равноценны в употреблении. (Замечу, что, пытаясь хотя бы чуточку проникнуть вглубь истории этой страны, я немало поплутал по совершенно различным названиям одних и тех же городов, сооружений и храмов Вьетнама...)

Экскурсия в Сайгон оставила впечатления, под которыми находимся до сих пор. Хотя что можно увидеть в таком мегаполисе, как Сайгон, за какие-то четыре-пять часов дежурного пребывания в нём? Там, пожалуй, и за месяц специальных экскурсий всего не пересмотреть и не познать... Но остаётся лишь утешиться афоризмом мудрого Козьмы Пруткова: «Нельзя объять необъятное». Впрочем, что Сайгон по сравнению с миром? Песчинка всемирной истории, культуры и этнографии – не более того. И насколько же мизерны наши возможности и жизненный век. А ведь многим не доведётся увидеть даже и того, что Бог отпустил на нашу долю...

3–4 февраля 2020 года

Вот и подошло к финишу наше нынешнее пребывание в курортном Муйне. Предужинный променад, покупки. Ужин. Телевизор, карты. Звонки друзьям. Иногда – вечернее купание в бассейне. Сон... В общем, сплошное беззаботное курортное сибаритство!

Правда, за это время ещё парочку раз навдывался на рынки – в сторону города и рыбацкой деревни. В основном за полюбившимися свежими креветками и овощами. И за всё пляжное пребывание у моря я ни разу не прилёг (в отличие от жены) на лежанку. В лучшем случае – прямо на песок: погреть свои ревматические колени. Но каждый раз брожу вдоль побережья, уходя в обе стороны километра на полтора. В сторону города встречаются неплохие приятельские пляжи с чистым песком и более чистой водой. Местами, помимо «макашен», прямо на берегу попадаются массажные пункты. Салонами их назвать никак нельзя: под навесом из пальмовых ветвей один-два массажных стола, ну и массажисты с клиентами...

Как и инструктировал нас гид-куратор Максат, после обеда в предпоследний день справились на ресепшене о времени отбытия из отеля и города. Время нашего отбытия из отеля, как и вылета из Камрани, немного сместили к утру. Если быть точным, на 3:15 ночи.

Днём занимались закупкой фруктов, кофе, рома, подарков и сувениров, тратя оставшиеся

разменянные деньги. И упаковкой чемоданов. На сей раз нам было разрешено дополнительно к багажному весу (по 20 кг на человека плюс 5 кг ручной клади) провезти по пять килограммов фруктов. Купив парочку удобных пластмассовых корзинок всё у того же Вани, заполнили их фруктами, в основном манго. Помимо них, парочка питахайи (с белой и красной мякотью), один хороший сочный ананас (их-то теперь зачем везти домой – в каждом магазине продаются, и не очень дорого), с десяток плодов маракуйи, сахарное яблоко, по полкило лонганов и рамбутанов... Упаковали, подписав корзинки, чтобы распознать уже у себя в порту.

Вьетнамцу Ване я подарил с автографом книжку «Пхукет – остров спасённый» и парочку

кедровых шишек, прихваченных с собой в качестве презентов. Такому презенту и вниманию Ваня был искренне рад! Оставшиеся кедровые шишки хотел подарить горничным. Но те, увидев их, отреагировали бурно отрицательно, зажав ладонями рты, словно от рвотного. А может, они этим хотели показать, что боятся поломать зубы о наши крепкие кедровые орехи?!

И ещё. Оставались две моих книжки из цикла «Записки кемеровского туриста» о Пхукете и Гоа. Выставил их (а у каждой положил ещё и по кедровой шишке) на полочку свободного обмена книгами возле ресторана. И буквально через полчаса их там уже не оказалось. Приятный момент для автора – читают-с...

г. Кемерово

